
ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО ТА ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398

И. Я. Павленко

СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЛЕГЕНДАХ

В статье на материале русских и украинских фольклорных легенд, зафиксированных и изданных на протяжении двух столетий, и на основании исследований специфики народного мировидения и жанровой природы легенд анализируются причины и характер интерпретации и трансформации сюжетов и образов персонажей Ветхого Завета. Рассматриваются способы адаптации и трансляции обширного массива библейских текстов (о сотворении мира, создании первых людей, преступлении Каина, потопе и др.) в народной среде в условиях сформированного православно-языческого синкретизма.

Ключевые слова: легенда, Библия, Ветхий Завет, сюжет, мотив, образ персонажа.

После христианизации Руси начался сложный процесс формирования новых представлений о мире, его создании, закономерностях функционирования, моральных нормах, поддерживающих жизнь индивида и социума. В результате длительного взаимодействия “трех сил: греческой веры, принесенной монахами и священниками Византии, славянского язычества, которое встретило эту новую веру, и ... народного характера, который по-своему принял византийское православие и переработал его в своем духе” [25, с. 641], – были созданы особые формы мировидения и поведения. Долгое время весьма некорректно называвшиеся “двоеверием”, Н. Бердяевым они были определены как “народное православие”, а в современном научном дискурсе получили название православно-языческого синкретизма.

В процессе распространения новой веры необходимым оказалось приспособление христианских мировоззренческих доминант к многовековым знаниям и представлениям, в результате чего ассимиляция библейских мотивов и образов в народной культуре происходит под сильным влиянием фольклора и создаётся целый корпус текстов, свидетельствующий о многоэтапном и постоянном процессе согласования языческого и христианского мировидения. Так был сформирован характерный для восточнославянских земель православно-языческий синкретизм, отчётливо проявляющийся в повседневной жизни, бытовой и календарной обрядовой традиции, в широком распространении библейских образов и мотивов в фольклоре.

Под влиянием христианства и связанной с ним книжности формируются новые фольклорные жанры (духовный стих), появляются христианские мотивы и персонажи в колядках, заговорах и других обрядовых произведениях.

Создаётся новая жанровая разновидность легенды – апокрифная, которую многие исследователи считают собственно легендой [2; 20; 26]. Реминисценции и аллюзии Святого Писания часты и в произведениях других её жанровых разновидностей.

Библейский след в легенде неоднократно привлекал внимание собирателей и исследователей фольклора. На протяжении двух столетий собран обширный материал, в котором так или иначе проявилась зависимость фольклорного произведения от библейских текстов. Систематизация и обобщение фольклорных записей есть в сборнике с симптоматическим названием “Народная библия” [13], куда вошёл значительный (более 1300 записей) корпус текстов. Это, как и другие издания, свидетельствует о том, что значительная часть произведений возникла под непосредственным влиянием Нового Завета, сюжетов восточнославянских народных легенд, созданных о героях и событиях, описанных или упоминаемых в Ветхом Завете, не так много. И это несмотря на то, что сам Ветхий Завет соткан из мотивов и сюжетов, характерных для устного народного творчества, что было убедительно доказано в классической работе Дж. Фрезера “Фольклор в Ветхом Завете” [27].

Объясняется это, очевидно, тем, что в восточнославянских землях книги Библии переписывались и распространялись каждая отдельно, полный перевод Священного Писания был выполнен лишь в 1492 г. по приказу архиепископа Новгородского Геннадия. Позже, в 1581 г., в Остроге вышло типографское издание Библии, а первое полное издание этой книги в Москве появилось лишь в 1663 г. До этого времени на восточнославянских землях не доставало части Ветхого Завета, что сказалось на формировании русской и украинской фольклорной тра-

диции. Очевидно, поэтому евангельские мотивы и персонажи в фольклоре встречаются намного чаще, чем ветхозаветные.

Исследователи конца XIX – начала XX в. предполагали возможность влияния на восточнославянскую легенду апокрифных текстов [6; 7; 12; 18; 19; 23; 26]. За последние годы появился целый ряд исследований, посвященных книжно-фольклорным параллелям и типологическим сходствам в рамках отдельных жанров и жанровых разновидностей, например, в космогонических дуалистических легендах [9; 10], этиологических и эсхатологических легендах [8; 15], духовных стихах [24]. Большое внимание проблеме адаптации библейских и апокрифных текстов в народном творчестве уделяется в работах известной исследовательницы О. В. Беловой [3; 4; 5]. Однако, думается, проникновение в устное творчество мотивов, идей и образов неканоничных иноязычных письменных текстов проблематично, поскольку они были просто недоступны создателям и носителям фольклорной традиции: неграмотные или малограмотные люди ознакомиться с широко распространенными книжными “ересями” не могли.

Креативным толчком для создания апокрифных и обогащения сюжетами, мотивами и образами мифологических легенд были услышанные в церкви и своеобразно интерпретированные, “в соответствии со стереотипами фольклорно-мифологического сознания” [3, с. 121], канонические тексты. А уже специфика народного мироздания, под влиянием которой происходила трансформация библейского материала, обусловила типологическую близость некоторых восточнославянских фольклорных произведений и распространенных на других христианских землях апокрифов.

Проблема “Фольклор и Библия” не нова, многие исследования посвящены и вопросу функционирования библейских мотивов в восточнославянской устной нарративной традиции, однако проблема трансформации ветхозаветных мотивов в русских и украинских народных легендах достаточного освещения не получила. В первую очередь потому, что советская наука не обращалась к ней принципиально. Изучение характера трансформации ветхозаветных текстов и образов персонажей в народной прозе стало возможно лишь после возвращения в научный дискурс работ А. Н. Афанасьева [1], Г. А. Булашева [6], П. П. Чубинского [28] и др. Способствует изучению проблемы исследования А. А. Панченко [16; 17], О. В. Беловой [3; 4; 5], В. С. Кузнецовой [9; 10], Г. И. Кабаковой [8], В. В. Сокола [22] и др.

Цель статьи – указать на некоторые аспекты проблемы и расширить представления о характере трансформации ветхозаветных сюжетов, мотивов и образов персонажей в указанном массиве фольклорных текстов.

Анализ известного материала позволяет говорить о том, что значительный интерес пред-

ставляет, в первую очередь, космогонический мотив как попытка ответить на извечно интересующий вопрос о том, откуда всё появилась и кто всё создал.

Безусловно, показательны в этом отношении легенды о сотворении мира, соотносящиеся, как правило, с космогоническими мифами. В восточнославянском фольклоре сохранились отзвуки мифа о сотворении мира птицами (детально этот мотив рассматривался в работах В. С. Кузнецовой [9; 10]). Во многих космогонических легендах “отзвук” язычества проявляется в том, что для достижения цели творящим силам приходится превращаться в птицу (гоголя) [14, с. 454] или вторым творящим началом, наряду с Богом, становится птица [14, с. 453]. Однако более распространены легенды о сотворении мира Богом, Саваофом, Христом. Характерно, что в зафиксированных текстах появляется традиционный для предшествующей мифологии дуализм и космогенез приписывается одновременно Богу и Сатану, Сатане, Бесу, Чёрту, Люциферу. Причина создания мира – скука и одиночество Бога, желание чем-то развлечь себя либо просто желание заполнить пустоту. Зачастую Бог – инициатор, а вторая сила – исполнитель самого процесса миротворения. Обе силы мыслятся как антропоморфные и существуют в пространстве, где уже есть вода, земля, песок.

В качестве первичной субстанции, как правило, называется вода (река, море, озеро), покрывающая всё пространство, в том числе и существующую уже землю или песок (например, в украинской легенде Бог заставляет черта нырять за песком для творения земли в Днепр [11, с. 39]). Мир, в котором ничего нет, в фольклорном сознании не отражается. В редчайших случаях встречается нечто серое, как облако или туча, из чего всё создаётся.

Творение всего необходимого для человека в легенде – естественно, результат Божественных трудов, всё ненужное и вредное создаётся второй силой, желающей соперничать с Богом, что во многих легендах и становится причиной изгнания Сатаны с небес. (Мотивировками изгнания Нечистого в восточнославянских легендах становится также создание ним своего войска, отказ поклониться первому человеку, попытка (весьма успешная) соблазнить Адама и Еву и т. д.).

С противостоянием Бога и Нечистого связывают появление грома и молнии, при этом Бог практически выполняет функции громовержца, то есть, замещает в тексте традиционного для славянской мифологии Перуна, оставаясь при этом ветхозаветным Богом карающим. В таких легендах от Божьего гнева можно спастись молитвой. Зафиксированы варианты, в которых Перун и Господь фактически взаимозаменяемы даже на уровне имени [11, с. 43].

Контаминация язычества и христианства проявляется и в интерпретации порядка творения, и в соотношении христианской и языческой кар-

тины мира: в одном из вариантов космогонической легенды после сотворения мира и всего в нём сущего Бог создал две пары рыб: одну – поддерживать землю, вторую пустил в воду размножаться. В легендах часто говорится о том, что животных, рыб и птиц Бог творит для живущего в раю или уже на земле человека, то есть процесс “заселения” мира связывается с потребностями человека и последовательность Божественных деяний существенно отличается от версии Книги Бытия.

Распространёнными были антропогонические (о сотворении человека) легенды и народные произведения об изгнании первых людей из рая. Мотив создания человека тесно связан с мотивом творения живой и неживой природы. Сам акт творения людей также представлен как своеобразное соревнование двух сил, в результате которого появляется человек как реализация Божественного замысла, и козёл, волк или другое животное – как попытка Сатаны, Нечистого соревноваться с Богом. Тем самым нарушается и библейский порядок творения, согласно которому создание человека было его завершающей стадией.

Зачастую и создание человека – результат сотворчества, но если Бог создаёт человека по образу и подобию своему, то силы зла наделяют божественное создание болезнями, дурными склонностями, преступными помыслами.

По версии легенд, человек создавался из разных “материалов”. Адам, как правило, – из глины, земли, теста; женщину Бог творит из теста, цветка, ребра, огрызка ребра, собачьего хвоста и т. д. Интересно, что легенды передают выражено мужское отношение к женщине как вторичному результату творения, сделанной из подручных (в легенде – в буквальном смысле этого слова) материалов. И качества женщины полностью зависят от исходного материала: если она создана из находившегося возле сердца мужчины ребра, то наделяется лучшими качествами и проявляет сердечность, доброту, верность. В тех же вариантах, где творить пришлось из собачьего хвоста, наделяется ветреностью, глупостью. Эти черты часто провоцируют грехопадение первых людей и становятся причиной изгнания их из рая.

Нужно отметить, что в легендах об этом “событии” акцентирован мотив телесного греха, как правило, соблазняет Адама Ева, упоминание о змее (Сатанаиле, дитьке, дьяволе) встречается не часто.

Популярен в восточнославянском фольклоре ветхозаветный мотив братоубийства, загрязнённый с мотивом наказания. Таким образом формируется ряд этиологических легенд, в первую очередь, о пятнах на месяце, поскольку Бог, увидев преступление Каина, поднявшего на вилах тело убитого брата, сказал: “Ні, тепер не сховаєш і будеш держати на вилах до кінця віку. – І поставив його на місяць, щоб бачили люди” [21, с. 9].

В “Ветхом Завете” говорится о том, что Каина отказывается принимать земля, как не принимает она и кровь Авеля, падающую с рук убийцы. Очевидно, это замечание и провоцирует развитие в легендах мотива перенесения убийцы и убитого на Луну, за пределы земли. Постоянно видимое “изображение” на поверхности Луны – народная интерпретация мотива “печати Каина”, поскольку речь идёт о вечности, мучительности наказания и напоминании о преступлении.

В других вариантах легенды Каин после того, как его проклял сам Бог, “пішов у ліс та наплодив всякої нечисті ...” [21, с. 10], выполняя тем самым функции, традиционно приписываемые в легенде Нечистому, отождествляясь с inferнальным началом.

Довольно часто фиксировались легенды с амплифицированным мотивом потопов. В соответствии с первоисточником, потоп всегда интерпретируется как Божественное наказание за грехи человечества. Часты упоминания и о ковчеге Ноя, на котором спасаются лучшие представители человеческого рода, животные и птицы. Широко бытовала легенда о большом единороге, не желавшем прятаться в ковчеге. Вопреки воле Господа он спасал на своей спине птиц, однако не выдержал тяжести, упал и захлебнулся водами всемирного потопов. Следовательно, и он не смог противостоять Божественной воле и исчез с лица земли.

Часто мотив всемирного потопов используется для хронологизации событий и воспринимается как рубежный этап своеобразно интерпретируемой мировой истории, поскольку до потопов могли жить люди, позже за идолопоклонство превращённые в каменных баб, или просто великаны, на смену которым после потопов пришли обычные люди.

В восточнославянских легендах встречается мотив выхода евреев из Египта, однако и он контаминируется с этиологическими мотивами и встречается в легенде о морских людях, сочиняющих песни. В морских людей превратились люди, шедшие за выводимыми “Мусием” евреями и цыганами и “залитые морем”. Легенда не сохраняет характерного для Ветхого Завета осуждения египтян и мысли о правомерности их гибели. Мало того, наделяет морских людей незаурядным талантом, плодами которого пользуются современники рассказчиков.

Встречаются записи восточнославянских народных легенд о Соломоне. Чаще всего рассказ о мудрости Соломона контаминируется с апокрифным мотивом спасения Христом людей из ада и обмана Соломоном чёрта (Дьявола). Бытовали и народные варианты сюжета об определении Соломоном подлинной матери младенца. Украинские и русские легенды о Соломоне, как правило, апеллируют лишь к имени ветхозаветного мудреца, связывая с ним традиционные сюжеты, среди которых – измерение ада и проектирование строитель-

ва там церкви и монастыря. Во многих вариантах легенды имя Соломона может вытесняться или заменяться упоминаниями о хитром солдате, грешнике и т. д., приобретая всё более выраженные черты мифологического (и фольклорного) трикстера и отдаляясь от черт ветхозаветного персонажа.

Выводы. Анализ записей украинских и русских народных апокрифических легенд и амплификации ветхозаветных мотивов в легендах других жанровых разновидностей свидетельствует о том, что в силу ряда исторических и социокультурных факторов продуктивными для восточнославянской фольклорной традиции, обогатившими сюжетный и персонажный фонд народной легенды, стали космогонические (Божественного творения) и антропогонические (творение человека и народа) мотивы. Популярными оказались также мотив грехопадения первых людей и изгнания их из рая, свержения на землю нечистого, братоубийства, выхода из рабства, всемирного потопа. Нужно сказать, что из ветхозаветного материала для фольклора интересной оказалась книга Бытия, события “мировой истории”, но в то же время в фольклорной легендах русских и украинцев почти не отразилась история еврейского народа, и лишь глухой отзыв в произведениях этого жанра нашла история выхода евреев из Египта.

Список использованной литературы

- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – Москва : Индрик, 1994. – Т. 1–3.
- Афанасьев А. Н. Предисловие А. Н. Афанасьева к его собранию народных легенд / А. Н. Афанасьев // Русские народные легенды А. Н. Афанасьева. – Новосибирск : Наука, 1990. – 288 с.
- Белова О. В. Библийские сюжеты в восточнославянских народных легендах / О. В. Белова // Восточнославянский этнолингвистический сборник. – Москва : Индрик, 2001. – С. 118–150.
- Белова О. В. Легенды / О. В. Белова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 89–91.
- Белова О. В. Легенды о Потопе в славянской и еврейской народной традиции / О. В. Белова // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. – Москва : ГЕОС, 1998. – С. 163–180.
- Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях: Космогонічні українські народні погляди та вірування / Г. Булашев ; пер. з рос. Ю. Г. Буряка ; передм. В. О. Шевчука ; прим. Ю. М. Олійника. – Київ : Довіра, 1993. – 414 с.
- Веселовский А. Н. Опыты по развитию христианской легенды / А. Н. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1875. – № 4, 5; 1876. – № 2, 3, 4, 6; 1877. – № 2, 5.
- Кабакова Г. И. Адам и Ева в легендах восточных славян / Г. И. Кабакова // Живая старина. – 1999. – № 2. – С. 2–4.
- Кузнецова В. Сотворение мира в восточнославянских дуалистических легендах и апокрифической книжности / В. Кузнецова // От Бытия к исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. – Москва : ГЕОС, 1998. – С. 59–78.
- Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции / В. С. Кузнецова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН НИЦ ОИГМ, 1998. – 138 с.
- Легенди та перекази / упор. та прим. А. Л. Юніаді ; вступ. ст. О. І. Дея. – Київ : Наукова думка, 1985. – 400 с.
- Мочульский В. В. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности / В. В. Мочульский. – Одесса : Тип. шт. войск Одесского воен. окр., 1893. – 285 с.
- Народная Библия: восточнославянские этимологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой ; отв. ред. В. Я. Петрухин. – Москва : Индрик, 2004. – 576 с.
- Народная проза / [сост., вст. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева]. – Москва : Русская книга, 1992. – 608 с.
- Нижегородские христианские легенды / [сост., вступ. статья и ком. Ю. М. Шеваренковой]. – Нижний Новгород, 1998. – 116 с.
- Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. – Санкт-Петербург : Алетей, 1998. – 305 с.
- Панченко А. А. Религиозные практики: к изучению “народной религии” / А. А. Панченко // Мифология и повседневность. – Санкт-Петербург, 1999. – Вып. 2. – С. 198–218.
- Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях / И. Я. Порфирьев. – Казань : Универс. тип., 1872. – 305 с.
- Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки / И. Я. Порфирьев. – Москва : Индрик, 2005. – 288 с. (репринт – Санкт-Петербург, 1877).
- Пропп В. Я. Легенда / Поэтика фольклора (Собрание трудов) / В. Пропп ; сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. – Москва : Лабиринт, 1998. – С. 269–301.
- Січова скарбниця. Легенди та перекази Нижньої Наддніпряни / упоряд., передм. та прим. В. Чабаненка. – Запоріжжя : ЗДУ, 1999. – 392 с.
- Сокіл В. В. Народні легенди та перекази українців Карпат / В. В. Сокіл. – Київ : Наукова думка, 1995. – 187 с.
- Сумцов Н. Ф. Очерк истории южнорусских апокрифических сказаний и песен / Н. Ф. Сумцов. – Київ : Тип. А. Давиденко, 1888. – 161 с.
- Толстая С. М. О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции / С. М. Толстая // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и

- еврейской народной культуре. – Москва : ГЕОС, 1998. – С. 21–37.
25. Флоренский П. Православие / Сочинения : в 4 т. / П. Флоренский. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 1. – С. 638–662.
26. Франко І. Я. Галицькі народні казки : вступне слово до збірки / І. Я. Франко // Етно-графічний збірник. – Львів, 1895. – Т. 1. – С. 1–3.
27. Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Заветі / Дж. Дж. Фрезер ; пер. с англ. Д. Вольпина. – Москва : АСТ, 2003. – 650 с.
28. Чубинський П. Мудрість віків / П. Чубинський. – Київ : Наукова думка, 1995. – Кн. 1–2.

Стаття надійшла до редакції 15.08.2014.

Павленко І. Я. Сюжети та образи Старого Заповіту в російських та українських фольклорних легендах

У статті на матеріалі російських та українських народних легенд, які збиралися та видавалися впродовж двох століть, і на підставі досліджень народного світовідчуття та жанрової природи легенд проаналізовано характер й причини інтерпретації та трансформації сюжетів і образів персонажів Старого Заповіту. Розглянуто способи адаптації та трансляції значного масиву біблійних текстів (про творення світу, перших людей, злочин Каїна, потоп тощо) у народному середовищі в умовах сформованого православно-язичницького синкретизму.

Ключові слова: легенда, Біблія, Старий Заповіт, сюжет, мотив, образ персонажу.

Pavlenko I. Plots and Characters of old Testament in Russian and Ukrainian Folk Legends

In the article the causes and nature of interpretation and transformation of scenes and images of the Old Testament's characters are analyzed based on the material of Russian and Ukrainian folk legends, recorded and published over the past two centuries, and on the research of the national worldview's specifics and genre specifics of legends. The methods of adaptation and translation of the vast array of biblical texts (about the creation of the world, the creation of the first people, the crime of Cain, the Great flood, etc.) in the national environment of Christian-pagan syncretism are examined.

The author points to some scantily explored or controversial aspects of the problem (for example the reason why motifs of the Old Testament in the East Slavic folklore are operated less compared with the New Testament, the ability of the Apocrypha to influence the folk repertoire book). Particular attention is paid to the nature of cosmogonic and anthropogonic motives amplification, to the ratio of the Christian and pagan principles in them, the acceptance of demiurgic beginning not only for God (Savaof, Christ, the Holy Spirit), but also for the forces of evil (Satan, the devil, Lucifer, dit'ko etc.). The motive of antagonists' co-creation, missing in the Old Testament, but typical of many archaic mythological systems, is being analyzed.

Having examined the records of the Ukrainian and Russian folk legends the author came to the conclusion that, in a number of historical and socio-cultural factors the cosmogonic and anthropogonic motives became very productive for East Slavic folk tradition and enriched the plot and heroic fund of folk legend. The motif of the first people's fall and their expulsion from paradise on earth, the overthrow of "nechistiy", the fratricide, the exit the slavery and leaving the Flood also became very popular. The Genesis and events "of world history" seem to be the most important, influential part of the Old Testament for Ukrainian and Russian folklore. History of the Jews in the Russian and Ukrainian legends was almost not reflected.

The article expands the idea of the character of the transformation of the Old Testament stories, themes and images in popular legends of Russian and Ukrainians, considers plots of legends as a result of constant mutual reception of the Christian worldview and it's preceding.

Key words: Legend, Bible, Old Testament, plot, motif, character.